

Семейно-брачные отношения

Патриархальная община в XVII-XVIII вв. была основной социальной единицей чукчей. Членов этой общины объединяло совместное добывание средств к существованию. Это были производственные и социальные коллективы со свойственными им правовыми, брачными, бытовыми и культовыми функциями. К приходу русских чукчи в значительной мере еще с наиболее ранние исторические источники не дают ничего определенного относительно структуры чукотского общества.

Лишь в документах XVIII в. появляются сведения, опираясь на которые можно восстанавливать состояние общественного строя чукчей. Следует все же отметить, что уже в документах XVII в. упоминаются чукотские князцы со своими улусными людьми, старшины, тоены, "лучшие и прожиточные мужики" (они обычно фигурируют с "улусными мужиками", "со своими родниками"). Упоминается иногда и род. Терминология русских документов XVII-XVIII вв. не отражала существа их общественных отношений. Поэтому ко всем определениям того времени необходимо относиться критически. Уже в начале XIX в. И.Б. Пестель, сибирский губернатор, справедливо замечал, что "чукчи вовсе не знают звания тойонов", что звание это не чукотское, а якутское (Вагин, 1872. Т. 1. С. 316).

В 1711 г. побывавший на Чукотке казак П. Попов сообщал: "...начальных людей. . . никого у них нет" (Памятники сибирской истории, 1882. С. 457-459). По рассказам чукчей, приходивших в эти же годы в Анадырский острог, следовало, что они "власти над собою никакой не имеют и живут самовольно родами" (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 33. Л. 34).

Командир Анадырского гарнизона Шатилов, отвечая на запрос Военной коллегии, писал в 1751 г.: "Старшинство оные (чукчи. - И.В.) имеют по-своему иноземческому древнему обыкновению, так же, как и коряки, по родам: кто из них постояннее и прожиточнее оленными табунами, тот у них и старшина" (Шаткое, 1864. Кн. 3. С. 65). "Чукчи главного командира над собою не имеют, - сообщал в 1756 г. казак Кузнецкий, - а живет всякий лучший мужик со своими сродниками и с собою. И тех лучших мужиков яко старшин признают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей" (Колониальная политика, 1935. С. 181).

Аналогичные высказывания встречаются на протяжении почти всего XVIII в. Встречающемуся термину "род" не дается никаких пояснений; нет ни одного названия рода. Под этим термином следует понимать не род в его собственном значении, а патриархальную общину. Такая община имела единое хозяйство, общее жилище, как у оседлых, так и кочевых чукчей.

Члены патриархально-семейной общины составляли производственный и социальный коллектив, связанный единством культа предков, общими годовыми жертвоприношениями, традициями. Производственным руководителем, духовным наставником был глава общины. Его авторитет во всех жизненных делах был непререкаем. Он отправлял религиозные обряды, связанные с годовыми хозяйственными циклами.

В состав общины входило до 10 и более взрослых мужчин, связанных между собою узами родства. Примеров этому много. Так, в 1731 г. русские встретили "оленных чукоч две юрты, в коих 30 человек мужеска полу". Тогда же "нашли на Каменном отпрыдыше пеших чукоч в одной земляной юрте... 20 человек да баб и ребят, а сколько не упомнят" (Колониальная политика, 1935. С. 181).

Г.А. Сарычев об общественном строе чукчей писал: "Как оленные, так и сидячие чукчи разделяются на небольшие общества, состоящие из нескольких семей, соединенных родством и дружбой. Особенных властей или начальников не имеют, а почитают в каждом таком обществе одного, который богаче прочих и имеет большое семейство. Дальнего повиновения ему не оказывают: он может только преподавать советы и воздерживать от дерзостей или других поступков одними словами, но никого не имеет власти наказывать. При таком безначалии удивительно, что сей народ по сие время мог удержать свою вольность" (Сарычев, 1952. С. 186).

Производственные и социальные связи патриархальной общины у оседлых чукчей складывались вокруг байдары, которой пользовались члены семьи на морском промысле. Размеры байдар, видимо, определялись количеством членов общины. По одним показаниям чукотская байдара поднимала "40 человек", по другим - "15-20 и более". Во главе общины приморских чукчей стоял "старшина", или, как его называли чукчи, ытвэрмэчъын, т.е. "лодочный начальник". У кочевых чукчей община объединялась

вокруг общего стада и возглавлялась эрмэчын (букв.: силач, старшина, начальник).

Основной формой поселений оседлых чукчей были нымным (поселок), оленных-стойбище. Приморские поселки включали несколько патриархальных общин, каждая из которых имела особое место с особым названием и размещалась в отдельной полуземлянке. Так, например, в конце XVIII в. в Уэлене проживало семь таких общин, в Янранае - две, в Лорино - четыре. В больших селениях жилища родственных общин располагались на одних участках, которые имели особые названия. Так, сел. Уэлен состояло из трех групп полуземлянок: Тапкаральыгп (жители морской косы), Гынонралъыт (жители середины поселка) и Кэунэлыт. Аналогичного типа были стойбища оленеводов, объединявшие несколько общин, каждая из которых занимала одну ярангу. По мере увеличения стад такие стойбища дробились.

Поселки береговых чукчей и стойбища оленеводов имели своего главу, считавшегося старшим в селении. Такие союзы общин были связаны родством, а иногда и совместным производством: коллективной охотой на китов, диких оленей, совместным выпасом оленей, объединенными действиями при защите от врагов.

Возникновение временных объединений чукчей, более сложных, чем территориальное объединение (поселок, стойбище), было вызвано к жизни взаимоотношениями с соседними племенами, народами и с российской администрацией. По мере налаживания мирных отношений с соседями и русским государством институт "главных тоенов" прекратил свое существование. К середине XIX в. остался лишь один такой тойон около Колымы, которого всячески поддерживали представители царской администрации.

Ф.П. Врангель отмечал, что "у кочующих и у оседлых чукчей существует рабство. Богатейшие из чукчей владеют целыми семействами, уже с древних времен находившимися у них в зависимости, не смеющими удалиться никуда, не имеющими собственности и совершенно подчиненными произволу своего господина, употребляющего их в самые тяжелые работы: в вознаграждение он одевает и кормит их... Вероятно, рабы чукчей суть потомки прежних военнопленных" (Врангель, 1948. С. 313).

За небольшой выкуп чукчи охотно возвращали пленных их родственникам. Часто пленные "рабы" становились

равноправными членами чукотского общества. "Встречаются среди чукчей иногда и коряки, и юкагиры в качестве работников, иногда женят их на своих бедных женщинах. Оседлые также иногда берут в жены пленных американок" (Архив МАЭ. Кол. 3. Оп. 1. П. 2. С. 41).

Успехи чукчей в их столкновениях с соседями в известной мере были обусловлены их вооружением и подготовкой воинов. Воином считался каждый мужчина, способный владеть оружием и управлять упряжкой оленей. Постоянные тренировки молодых мужчин и подростков вырабатывали бесстрашие, выносливость, ловкость, умение пользоваться оружием, быстроту реакции и другие качества, необходимые для воина и охотника. Около каждого большого селения чукчей до недавнего времени сохранялись правильные круги - тропинки с плотно утрамбованной землей. В центре и по краям круга лежали камни разной величины и веса. В свободное время по кругу бегали мужчины и подростки, тренируя себя на выносливость. Упражнялись в поднимании камней, боролись и т.п.

Вопрос об общественном строе чукчей второй половины XIX - начала XX в. привлекал внимание не только исследователей, но и представителей власти. Интерес последних вытекал из чисто практических потребностей организации среди чукчей таких учреждений, на которые могла бы опираться власть. В этих целях предполагалось использовать действующие общественные институты чукчей. Начиная со второй половины XIX в. изучение быта, общественного устройства входило в планы командированных на Чукотку официальных лиц. Этими вопросами занимались, в частности, Г. Майдель, А. Ресин, А. Олсуфьев, Л. Гриневицкий, Н. Гондатти.

Наиболее полно осветил состояние общественных отношений чукчей Н.П. Сокольников: "Родового устройства и старост пока нет. Главою семьи является отец, спорные дела решаются стариками, но иногда обходятся без них и правым часто остается наиболее сильный. Для распределения паев на совместных промыслах есть всеми признаваемые правила. В некоторых местах есть так называемый эрмэчын - "хозяин". У оленных чукоч - это обыкновенно хозяин большого табуна, возле которого группируются 2-3 юрты, имеющих незначительное количество оленей... В прибрежных поселках эрмэчыном считают самого давнего жителя данного места, он считается хозяином и

руководителем промысла и получает за это большой пай" (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 313. Л. 34 об.).

Касаясь отношений между социальными группами оленеводов, В.Г. Богораз писал: "Рядом со связью семейно-родовую существует связь по соседству на стойбище (нымтумгывагыргын), до некоторой степени напоминающая зачатки вассальных отношений и успевшая выработать представление об обоюдных материальных и нравственных обязанностях лиц, заключающих ее. Собственно, у оленных чукоч соседственная связь начинает изменяться таким образом, что все более и более напоминает отношения между хозяевами и работниками... Теперь бедный сосед на стойбище (нымтумгын) является находящимся в чисто экономической зависимости от хозяина и его поэтому прямо называют работником (чавчуваамульын)" (Богораз, 1934. С. 154).

Возникновение двух отраслей хозяйственной деятельности явилось результатом общественного разделения труда, специализации в области оленеводства и морского зверобойного промысла. Не было хозяйственной и территориальной обособленности оленных чукчей от оседлых. На протяжении второй половины XIX в. происходит интенсивное перемещение населения. Многие из береговых жителей уходили в тундру, в свою очередь обедневшие оленеводы переходили в вынужденной оседлости и селились на берегу моря. Несколько тесны и многообразны были связи между этими группами, подтверждает чукотский язык: он не имеет диалектов. Единство языка могло сохраниться лишь в результате тесных экономических и общественных связей населения. Правовые, бытовые, семейно-брачные и другие обычаи оленных и оседлых чукчей повсеместно идентичны.

Сильные и многочисленные патриархальные семьи в общине нередко образовывали байдарные объединения. Слабые семьи присоединялись для охоты к более сильным, так как сами они не имели байдар или не были в состоянии укомплектовать их гребцами-охотниками. В среднем одна байдара приходилась на 2-3 малых семьи. К концу XIX в. сложилось два основных типа байдарных общин. Наиболее распространенными были байдарные общины, объединявшие в основном родственников по мужской линии, которые "охотятся вместе и поровну делят между собой добычу".

Владелец байдары был обязан проявлять заботу о всех семьях общины, в случае нужды наделять их мясом, жиром, содействовать, чтобы у них были шкуры на одежду, обувь и жилье. Он также должен был содержать в порядке байдару. Все это создавало условия для присвоения хозяином байдары большей части добычи, особенно шкур моржей и жира. Рядовые члены общины признавали за старшиной такое право, в то же время считали его обязанным проявлять о них заботу.

Распределению между участниками охоты, помимо шкур, моржовых клыков, китового уса, подлежали мясо и жир моржа, иногда и лахтака. Тюлени принадлежали тому, кто их добывал. Однако обычай требовал, чтобы охотник, если в этом была нужда, наделил мясом, жиром всякого, кто обращался к нему, хотя бы небольшим куском. Мясо и жир моржей, лахтаков делились между членами байдарной общины примерно поровну.

Н.Ф. Калинин вообще считал, что общинные начала у оседлых чукчей постепенно утратили свою основу. "Некоторый намек на общину, - писал он, - можно видеть в обычае береговых чукчей делиться между собою плодами добычи. Однако этот обычай распространяется только на мясо, а не на меха, кожи, ус, привозные товары и носит скорее характер угощения, чем обязательного дележа" (Калинников, 1912. С. 82-83).

Источники XVIII-XIX вв. отмечают у чукчей "мену жен", иными словами, пережитки группового брака, обычаи левирата, отработки за жену, многоженство. Казачий сотник И. Кобелев, пробывший у чукчей зиму и лето 1780 г., рассказывал: "Муж женатый с женатым же меняются женами своими" (РГИА. Ф. 1264. Оп. 54. Д. 2. Л. 80). Мерк, рассказывая об этом обычае, уточняет: "мужья договариваются, чтобы таким способом укрепить свою дружбу, спрашивают согласия жен, которые редко отклоняют такую просьбу... Обмен женами чукчи обычно ограничивают лишь одним или двумя друзьями, нередки, однако, примеры, когда такого рода близкие отношения поддерживаются со многими" (Архив МАЭ. Кол. 3. Оп. 1. П. 2. С. 57). Дети, рожденные от разных матерей, пользовались равными правами.

По сведениям В.Г. Богораза, групповой брак охватывал почти все семьи чукчей. "Семья, не входящая в такой союз, не имеет ни друзей, ни доброжелателей, ни покровителей в случае нужды" (Богораз, 1934. С. 135-139). Люди, вступившие в отношения

группового брака, обязаны были оказывать взаимно трудовую, материальную и общественную помощь и поддержку.

Дети, родившиеся в семьях, состоящих в отношениях группового брака, считались родными братьями и сестрами, они не могли вступать между собой в брак, но право наследования распространялось только на детей, родившихся в семье, которой принадлежало имущество. Это - одно из правовых ограничений функций группового брака. Общих средств производства, имущества члены нэвтумгын не имели.

Обычай левирата имел экономическую основу. Часто он носил характер не права, а обязанности. Овдовевшая женщина с малолетними детьми оказывалась в тяжелом состоянии. Вести хозяйство самостоятельно, выпасать оленей или охотиться на море она не могла. Ей нужна была постоянная помощь и опека. Обычай предусматривал обязанность одного из ближайших родственников, либо младшего брата, либо двоюродного брата умершего, взять на себя обязанности мужа овдовевшей женщины и отца для детей.

Многоженство в большинстве случаев составляло привилегию богатых стадовладельцев и хозяев байдар. "Если я владею одним стадом, - говорили чукчи В.Г. Богоразу, - мне нужен один шатер и одна женщина, однако, если у меня два стада, я должен иметь два хозяйства и по женщине в каждом из них". Там же были и другие причины многоженства - бездетность первой жены, желание иметь сыновей и т.п. По подсчетам Богоразы число мужчин, имеющих двух и больше жен, достигало 15% к общему количеству женатых людей. Случаи многоженства у приморских чукчей были более редки.

Подробно описанный в литературе обычай отработки за жену был распространен среди чукчей повсеместно. Бытование его было не только традицией, но и заинтересованностью в использовании бесплатного труда. Для бедняков, добивавшихся руки дочери стадовладельца или богатого хозяина байдары, отработка за жену была тяжким бременем. Иногда она длилась два-три года и могла закончиться безрезультатно. При этом сватавшийся не получал никакого вознаграждения за свой труд. У оседлых чукчей отрабатывавший трудился по дому, охотился, всю добычу приносил будущему тестю. У оленеводов он пас оленей. "Часто ему не дают места в спальном пологе, и он ночует в

переднем шатре или под открытым небом. Большую часть времени он проводит около стада" {Богораз, 1934. С. 123).

Другое дело, когда молодой человек из богатой семьи сватался к девушке из бедной. В таких случаях отработка носила чисто символический характер, могла длиться не более дня. Отработка за вторую жену была вовсе необязательной. Во всех случаях сватовства согласие невесты было необходимо. Женщина в чукотской семье принимала участие в решении хозяйственных и общественных дел семьи наравне с мужчинами. "Женщина во многих отношениях чукотского быта почти равноправна мужчине, и, если нет старика в доме или он отсутствует, доминирующую роль занимает старуха-мать" (Калинников, 1912. С. 87).

*Е.П. Батьянова, И.С. Вдовин, С.Ф. Карбанова, Н.В. Кочешков, В.А. Лыткин, В.А. Тураев
(из книги Народы Северо-Востока Сибири)*